

горечи, но сегодня она стыдилась ихъ. Она тутъ же рѣшила, что не допустить, чтобы Джимъ провелъ вечеръ съ дѣдушкой.

Какъ бы то ни было, а Джулія, уложивъ стариковъ спать, осталась одна. Она легла на кровать, старомодной формы, имѣвшей видъ шкапа, но ей не хотѣлось спать. Она набросила платокъ на голову и сѣла у открытаго окна, глядя въ лунное небо и раздумывая о томъ, что случилось.

Такъ она просидѣла, оперевшись подбородкомъ на руку, далеко за полночь, пока всѣ торопливо шагавшіе пѣшеходы на улицѣ не разошлись по домамъ спать, а Брауншвейгская площадь, никогда не отличавшаяся шумомъ, совершенно затихла. Но она не замѣчала ни шума, ни тишины! Ея голова была полна красивымъ молодымъ человѣкомъ и его словами! Неразумная голова! Онъ назвалъ ее хорошенькой; онъ сказалъ, что любить ее. Онъ желалъ водить съ нею компанію; онъ провожалъ ее двѣ недѣли сряду; онъ назвалъ ее хорошенькой; онъ каждый вечеръ ходилъ въ театръ въ продолженіе трехъ недѣль; онъ сказалъ, что любить ее; онъ жалъ ей руку; онъ навѣрное такъ же добръ, какъ и красивъ, потому что сразу сообщилъ ей, кто онъ такой и гдѣ работаетъ; онъ сказалъ, что любить ее... и такъ далѣе, до безконечности.

Наконецъ со вздохомъ, она закрыла окно и захлопнула ставни и легла спать. Простодушная Джулія! такъ волноваться отъ того только, что какой-то молодой человѣкъ въ нее влюбился!

IV.

И вотъ началась мирная и прелестная идиллія, хотя пастухъ былъ всего только приказчикъ книжнаго магазина, а нимфа — театральная статистка. Съ одной стороны юноша съ живымъ воображеніемъ, прочитавшій большинство тѣхъ книгъ, которыя продавалъ, и которому мерещился цѣлый міръ чудныхъ мыслей въ большихъ и блестящихъ глазахъ, плѣнившихъ его сердце. Это убѣжденіе внушало ему безграничное уваженіе къ своей милой. Что за дѣло до общественнаго положенія дѣвушки, если она сумѣла внушить такое убѣжденіе своему поклоннику? Съ другой стороны дѣвушка, находившая, что ея поклонникъ хорошо воспитанный, красивый и благородный человѣкъ. Она всегда считала себя такой ничтожной, что эта чудная вещь, его любовь, внушала ей удивленіе и страхъ. Какъ могъ онъ полюбить такую